

А. Локшин. Евреи Петербурга

Живший в середине XVIII века раввин Арье-Лейб Эпштейн уверял, что само провидение распорядилось так, чтобы евреи не селились в Петербурге. Причина была серьезная: в период белых ночей солнце в этом городе не заходит, и в эти месяцы нельзя определить время утренней и вечерней молитв. Город на Неве воспринимался как особенный, не сравнимый с другими.

В еврейском национальном сознании и в еврейском фольклоре многие города и даже целые области Российской империи обретали свой особый образ. Им давались четкие характеристики. Вильнюс, к примеру, назывался «Йерушалаим де Лита» — литовским Иерусалимом, — известным центром раввинистической учености, центром издания книг на иврите. Одесса считалась южным прибежищем гедонизма и космополитизма. Немало людей было убеждено в том, что на семь верст вокруг нее горит адский огонь («зибн мейл арум Адес брент дер гехейном»). Город Хелм высмеивался в еврейском фольклоре за псевдомудрость его обитателей. А еврейское название Польши — Полин — прочитывалось знатоками как «здесь осядем» (по-древнееврейски «по лин»).

Однако в Петербурге — столице огромной империи — еврейское прошлое отсутствовало. Это остро ощутили тысячи евреев, которые с начала 1860-х годов по новым законам, принятым царем Александром II, начали жить в этом городе. Они со страхом поняли, что в нем нет не только их национального прошлого, но нет фактически и настоящего.

Еврейские следы в Петербурге, заметные с момента его основания в 1703 году, сводились лишь к анекдотам. Существовали, правда, легенды, связанные с деятельностью временно проживавших в Санкт-Петербурге влиятельных евреев или евреев тайных. В 1714 году Петр Великий привез с собой из Амстердама нового придворного шута Яна д'Акосту, по слухам — потомка португальских марранов. Другой марран, тоже вывезенный из Голландии, Антон Мануилович Дивьер, стал генерал-полицмейстером — первым руководителем столичной полиции. Михаила Сперанского, министра в правительстве Александра I, известного сторонника реформ, упрекали за тайные встречи с состоятельным откупщиком Абрамом Перетцем.

Молодой немецкий раввин Макс Лилиенталь, приехав в российскую столицу в 1841 году, узнал от одного крещеного иудея, что Николай I предоставил евреям, временно поселившимся в Петербурге, выбор: крещение или изгнание.

Тяжело было представить, что евреи, как крещеные, так и сохранившие веру отцов, могли чувствовать себя в Петербурге как дома. Даже для русского населения город казался не очень привлекательным, главным образом благодаря своему неблагоприятному климату. Евреям же он представлялся чужим по другим причинам, прежде всего по религиозным, о которых говорил еще раввин Арье-Лейб Эпштейн. Да и в дальнейшем у евреев сохранилось ощущение своей глубинной непричастности к этому городу, хотя и по более светским соображениям.

Летом 1858 года «Санкт-Петербургские ведомости» писали, что, несмотря на

дачный сезон, и на то, что постоянные жители города во множестве перебрались в окрестности столицы или уехали за море, Петербург не вымер. «Взамен опустевших домов гостиницы набиты приезжими... На улицах встречаются незнакомые лица, между которыми на всяком шагу резко выдается еврейский тип, к которому так не привык глаз петербургского жителя. В настоящую минуту — утвердительно можно сказать — на Вознесенском и Екатерингофском проспектах, на Большой Садовой, в Семеновском, Измайловском полках нет дома, где бы хотя одна комната не была занята каким-нибудь промышленным израильтянином».

Однако история постоянного еврейского присутствия в имперской столице начинается чуть позже, когда в результате реформ, проводившихся Александром II, стало возможным проживание определенных категорий евреев и за чертой оседлости.

В поразительно короткий срок петербургское еврейство создало абсолютно новый тип российского иудея: модернизированного, космополитичного, необычайно удачливого в своих предприятиях, добившегося многого в таких сферах деятельности, как юриспруденция, банковское дело и журналистика. К сожалению, новый тип не вытеснил отовсюду прежний тип еврея — забитого, отсталого, нередко находящегося на грани нищеты, он просто стал сосуществовать с ним.

Если не брать в расчет деловые контакты, то евреи, жившие в Петербурге, по большей части в отношении с русскими не вступали. В отличие от русских, Петербург для них был не «окном в Европу», а скорее «окном в Россию». Правда, в ту пору они оставались лишь зрителями у этого окна...

Подобно «портовым евреям» Одессы и других приграничных общин, евреи Петербурга столкнулись с серьезным осложнением: свои общинные организации им предстояло создать буквально с нуля. Они были далеки от вековых традиций, стоявших за старыми еврейскими центрами, существовавшими в Вильнюсе, Люблине или Бердичеве. Более того, в Петербурге заполнение этой лакуны началось на несколько десятилетий позже, чем в Одессе, и происходило на более поздней стадии внутреннего размежевания российского еврейства.

Как и всё в столице, еврейская община находилась под усиленным наблюдением не только местной администрации, но и высших органов власти, и петербургские евреи осознавали свою представительскую функцию перед окружающим их миром.

Одно из немногих дошедших до нас свидетельств о жизни петербургского еврейства, где открыто отдается предпочтение «прелестям Бердичева», — это воспоминания Полины Венгеровой. После приезда в Петербург с мужем-купцом в 70-х годах XIX века, она была потрясена тем, что представители состоятельной еврейской элиты ограничили свою религиозную жизнь только тремя днями в году: Йом-Кипуром, первым днем Песаха и Рождеством. Некоторые даже отправлялись в молитвенный дом на субботнюю службу в экипаже, а не пешком, а во время празднования Йом-Кипура ели в перерывах во время службы.

После реорганизации правительства в 1869 году практически вся общинная жизнь в столице попала в полную зависимость от меценатства нескольких процветающих еврейских семейств. Бароны Гинцбурги, стоявшие во главе общины (сначала Евзель Гинцбург, а затем его сыновья Гораций и Давид), общались с высшим

официальным лицам в государстве и обладали огромной популярностью за пределами Санкт-Петербурга как благотворители и заступники. В народе петербургские евреи называли Горація Гинцбурга не иначе как «папаша».

Никогда до этого отношения между еврейской общиной и царским правительством не были столь запутанными, как при строительстве первой петербургской синагоги. Для многих столичных иудеев это дело по своей важности превосходило все остальные: синагога в политическом и культурном центре империи должна была служить доказательством незыблемого положения евреев, а также воплощением достоинства древнего народа в глазах российского общества, правительства и остальных единоверцев. Еврейские газеты, не только в Петербурге, но и в других городах, постоянно следили за состоянием строительства.

А. Ландау писал: «Еврейский храм в Петербурге — дело весьма важное. Это понимают и осознают все. И всякий еврей, где бы он ни жил — в Петербурге или в Одессе, у подножия Кавказских гор или в холодных снегах Сибири, — всякий внесет свою посильную лепту для этого великого дела... для храма, в котором русскому обществу предстоит познакомиться с самой глубокой стороной еврейского быта — с еврейской религией!»

Идея возведения молитвенного храма для евреев вдохновила виднейшего русского историка искусства и либерального критика В. В. Стасова. Он начал дискуссию о будущей синагоге. На страницах очередного тома петербургской «Еврейской библиотеки» за 1872 год Стасов утверждал, что это «уже как-то стыдно»: евреи Петербурга «под боком у Европы» не имеют своей синагоги, где смогли бы свободно и открыто молиться. Величественная синагога в столице, считал он, «...будет истинно народной честью, славой, потом, еще раз докажет, что мы всё более и более поканчиваем с прежними, позорившими нас предрассудками, [и что] не хотим уступать остальной Европе в светлости и ширине воззрения». Российская империя, с обилием существовавших в ней этнических групп и вероисповеданий, имела потенциальную возможность стать для Европы образцом религиозной терпимости и поборником гуманистических устремлений. По мнению Стасова, синагога в Петербурге наряду с уже существовавшими в России православными, католическими, лютеранскими, протестантскими, мусульманскими, армянскими и другими храмами, должна была способствовать прославлению широкого и благородного русского национального характера.

Синагога открыла свои двери в 1893 году. Кантор исполнил «Эль мале рахамим» («Г-сподь полон сострадания» — молитва об усопших) за упокой Александра II, как за царя-освободителя, а не критика первоначального плана еврейского храма. Горацій Гинцбург, по обыкновению лояльный к власти, заказал для синагоги скульптору М. Антокольскому статую Александра II, но религиозная традиция не позволила поместить ее там. В результате статую отвезли в Академию художеств.

Вершина расцвета петербургской еврейской общины, как и всего еврейства Российской империи, пришелся на канун Первой мировой войны. В военные годы и эпоху революции началась стагнация, а за ней наступил кризис. Но и до сих пор в Северной столице сохранились давние строения — безмолвные свидетели бурной

жизни ушедших столетий. Распахнутые двери Большой синагоги на Лермонтовском проспекте, создающийся в Петербурге Государственный еврейский музей, многочисленные общественно-культурные события в жизни нынешней общины (в Петербурге официально зарегистрировано 9 религиозных общин) и есть окно в завтрашний день евреев России.

По материалам сайта www.lechaim.ru